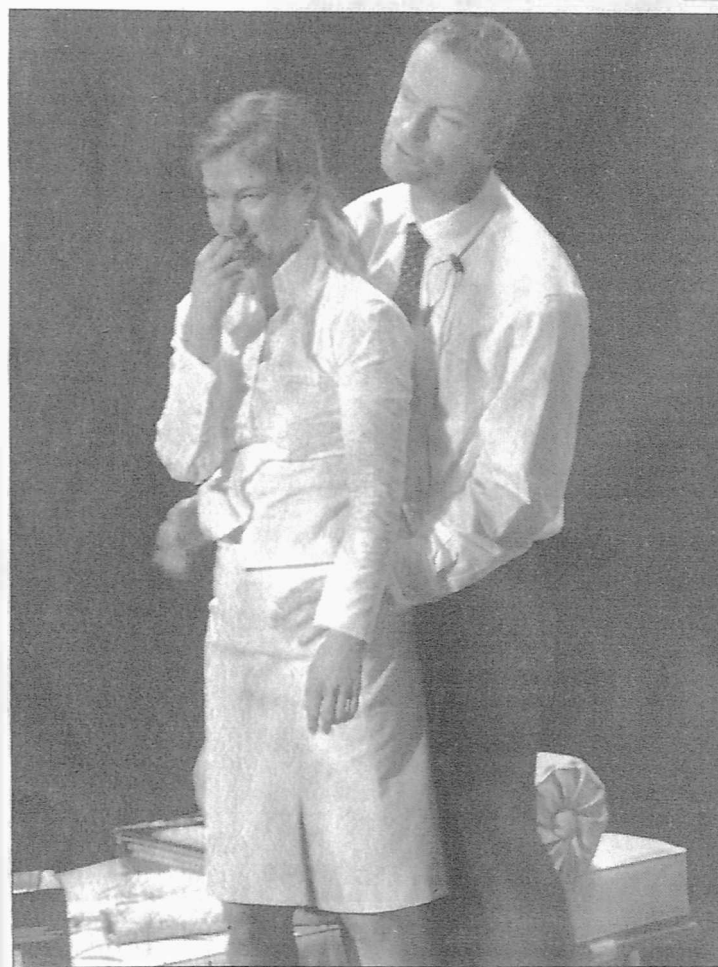

Убийство в кукольном доме

“Нора” Театра Шаубюне на фестивале NET

А.Тисмер – Нора и Й.Хартманн – Хельмер в сцене из спектакля

Томас Остермайер, тридцатипятилетний немецкий режиссер, стал, пожалуй, главной фигурой нынешнего фестиваля. Его “Нора” производит весьма сильное и цельное впечатление, чего не скажешь о других спектаклях-участниках при всех их особенностях и достоинствах. Знаменитая ибсеновская пьеса сопряжена с сегодняшним днем столь убедительно, что даже у строгих ревнителей классических канонов вольности Остермайера не должны вызывать сопротивления. А вольности, разумеется, есть. Начнем с конца. Нора не просто покидает “кукольный дом”, но предварительно выпускает в своего мужа обойму пуль из пистолета. Однако не только кровавая развязка, а и многочисленные культоры в тексте, и сегодняшнее время и место дейст-

вия – свидетельства, казалось бы, непослушного поведения режиссера по отношению к автору. Но это только “казалось бы”. На самом деле одна из самых лучших и желанных для театра пьес мирового классического репертуара весьма опасна ныне своей устаревшей социальной проблематикой. Право, кому теперь нужна история женщины, разорвавшей вековые пути общественной несвободы и сделавшей первый шаг к эмансипации? Казалось бы, в пору, наоборот, возвращать женщин в лоно их природного предназначения. Кроме того, драматургический текстовый оригинал полон длинных цветистых периодов, фразы строятся в витиеватых формах эпохи декаданса, насыщены неоромантическими образами и ритмами. Эту особенность

уловил однажды российский режиссер Михаил Бычков и построил на ней весьма интересный и ироничный спектакль. Игрущенные, фальшивые отношения Норы и Хельмера он выстроил в стиле шикарного немоматографа, где уместны и пышные фразы, и костюмированная жизнь. Но как только зрителю открывалась подлинная драма героини, прием отбрасывался, и персонажи открывали свои истинные лица.

Остермайер решает иначе. Его суперсовременная “Нора” на самом деле совершенно не ломает ибсеновской структуры пьесы. Но спрессовывается темпоритм, “экшн” высвобождается из словесных пут, и возникает история сегодняшней респектабельной семьи. Что при этом выпадает из ибсеновского замысла? Да, по большому счету, ничего. Даже социальный пафос пьесы несколько не стусевывается. Но поворачивается к нам иными гранями, подобно декорациям Яна Паппельбаума, этому образчику дорогого пентхауса, который вертится на поворотном круге. Обыкновенное чудо современного дизайнера, безликое и стерильно чистое, с резко хлопающими дверями-куле, с приглушенным теплом многочисленных светильников и с огромным аквариумом. Живые молчаливые рыбы, обитающие за стеклом, – обманчивая примета интерьера. Красивые, спокойные и бессмысленные, они в какой-то момент становятся метафорой жизни в тихой заводи, и понимаешь, как дизайн, будучи в руках художника, оборачивается образом, а следовательно, предметом подлинной сценографии. Большая коробка кукольного дома, меняя ракурсы, несколько раз поворачивается к зрителю тылом, и холодная железная дверь уже предвещает уход.

Актеры играют резко, психологически точно. В неумолимой логике действия есть нечто от немецкого экспрессионизма с его внятно прочерченной геометрией. В доме директора акционерного банка Торвальда Хельмера происходит узнаваемая гламурная жизнь: с пакетами подарков из модных бутиков, с уютной темнокожей горничной, с детишками, будто сошедшими с обложки глянцевого журнала. Хельмер – Й.Хартманн делает снимки цифровым аппаратом, Нора – А.Тисмер разливает в бокалы свежесжатый сок белоснежная юбочка, замшевые сапожки, небрежно заколотый хвостик...

Классно налаженный, продвинутый быт может быть одобрен мелкими щепотками дозволенного безумства. Карнавальным костюмом Норы – прикид брутальной девчонки из блокбастера. И когда героиня появляется слепка “окровавленной”, что, несомненно, жутко нравится банковскому яппи Хельмеру, на миг пронзает предчувствие нехорошего конца. Ибсеновский семейный “скелет в шкафу” в спектакле Остермайера обретает острый привкус пороков XXI столетия. Тут уже не кокаин, и не случайный жеманный флирт, и не романтический стилет за пазухой. Мать упоенно играет с детьми в игрушечные стрелялки, размахивает светящимся пластмассовым “мечом горца”, чтобы к финалу захватить в вытянутых руках настоящий пистолет и разрядить его в ничтожную фигуру мужа. Доктор Ранк – Л.Эдингер, молодой импозантный мужчина, явно не поражен злокачественной опухолью, а заражен ВИЧ-инфекцией. Он любит Нору нескрываяемо и негалантно, он ее попросту цупает и целует взадос.

“Рыбий” мир комфорта и достатка его обитатели приправляют псевдоострыми ощущениями, почерпнутыми, скорее всего, из домашних видеопросмотров. А между тем пружина подлинной драмы вот-вот будет отпущена на волю. Драма же была и остается вечной: женская способность любить и жертвовать сталкивается с мужским малодушием и эгоизмом, за респектабельным фасадом обнаруживается никчемное, искусственное нутро.

О работе артистов хочется сказать особо. С учетом грубости и откровенности, свойственных немецкому театру, нельзя не поразиться их абсолютной психологической органике, помноженной на безупречную технику. Перед нами не тяжкий труд, а мастерская, профессиональная работа, притом окрашенная человечностью.

Спектакль Томаса Остермайера, конечно, есть современная интерпретация классики. Но – без радикализма. Скорее с тем, что можно назвать истрепанным, за неимением другого, но весьма точным словосочетанием “живая традиция”.

Наталья КАМИНСКАЯ
Фото Михаила ГУТЕРМАНА